

RUGRAM

БЕЛОБРОВ-ПОПОВ

Плановый апокалипсис

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 1

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б43

Белобров-Попов

Б43 Плановый апокалипсис : [повести] / Белобров-Попов. —
СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 309 с. — (Серия «Паль-
мира — проза»).

ISBN 978-5-517-02969-0

В книгу вошли три фантазмагорических повести писателей Владими-
ра Белоброва и Олега Попова, работающих в тандеме (Белобров-Попов):
«Плановый апокалипсис», «Книга счастья», «Невидимые миру связи, или
Разумные зайцы», написанные во время пандемии 2020 года и объеди-
ненные темой планетарной катастрофы.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02969-0

© Белобров В. С., Попов О. В., 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ОТ АВТОРОВ

Чаще всего нас спрашивают: как мы пишем вдвоем? Очень просто — собираемся вместе и пишем. Писать вдвоем — это как ходить. Чтобы нормально ходить, нужны две ноги. Две ноги — это не одна плюс вторая нога, а две вместе — они ходят. Но в этот раз, из-за планетарного карантина, мы собраться не могли и решили, раз такое дело, попробовать написать что-нибудь по отдельности-вместе.

Все три книги цикла «Плановый апокалипсис» были написаны с марта по август 2020 года по одной схеме — по очереди через главу. Ни о чем предварительно мы не договаривались и в тексты друг друга не вмешивались даже на этапе правки. Это был интересный опыт. Нам он понравился. Надеемся, что и вам понравится.

Белобров-Попов

ПЛАНОВЫЙ АПОКАЛИПСИС

И тебе лучше поверить в эти хенки-пенки.

Стивен Кинг. Противостояние

Глава 1

В ДИАПАЗОНЕ ФМ

*Бессмысленные действия приводят
к непредсказуемым результатам.*

Философ Маналов

Последнее, что увидел философ Маналов перед тем, как открыл глаза, была какая-то жопа в шпагате.

«Хм!» — он приподнял голову и оглядел стол, за которым спал.

Было утро. За приоткрытым на щеколду окном щебетали птички, как бы являя собой вокальную составляющую инструментальному шуму в голове философа. Тонкий лучик солнца пробивался сквозь щелку между шторами и пронзал, как мечом джедая, лежавшую на боку бутылку «Абсолюта», пригвозждая ее к поверхности стола со всей ее внутренней пустотой.

«Это я один уговорил? — удивился Маналов. — Ну я и Бахус!» — он взял бутылку и потряс ею перед собой. На доннышке плескалось грамм двадцать-тридцать. Философ перевернул бутылку и вылил остаток в рот. Взял с тарелки надкушенный огурец.

Гудеть в голове хотя и не перестало совсем, но стало потише. Маналов хрустнул огурцом.

— Я существую, — задвигал он челюстями.

От его лба отклеилась бумажка, съехала по носу, перевернулась и упала на скатерть, частично прикрыв собою жирное пятно.

Маналов взял бумажку и прочитал написанное его почерком:

«Всё зависит от конкретики. Конкретика определяет определенные вещи».

Философ задумался над записанным. На его лице отчетливо читалась работа мысли — на лбу нарисовалась вертикальная складка, глаза застыли, обращенные как бы в бездну бесконечности, губы сжались и немного побелели. Одна только борода никак не отреагировала. Впрочем, борода как таковая сама по себе является атрибутом мыслителей.

В комнату вошла жена с подносом под мышкой.

— Проснулся?.. — Она поставила поднос на стол и стала составлять на него грязную посуду. — Ну, как спалось?..

— Снилось какая-то жопа в шпагате. — Маналов зевнул. — Мне кажется, что это был сон разума.

— Твоего, что ли? — жена постучала по его голове пустой чашкой. — Эх, ты! Так напиться в собственный день рождения! А еще серьезный человек!

— Смееу спросить, — Маналов показал на бутылку, — а не ты ли подарила мне вчера эту бутылку «Абсолюта»?

— Я тебе ее как философу дарила, думала, у тебя хватит ума не пить всё сразу.

— К чему бы это? — Маналов сдвинул брови.

— Что к чему? К чему ты всё сразу выпил?

— Нет, жопа в шпагате.

Жена вздохнула, взяла поднос и резко повернулась. С подноса скатилась рюмка, грохнулась об пол и разлетелась на осколки.

Резкий звук пронзил голову Маналова. Он скривился.

— Ах, вот к чему! — сказал философ печально. — Такой рюмки у меня уже никогда не будет. Что ж, в бытовой мифологии считается, что это на счастье, которого, как известно от Пушкина, нет. Что уж говорить о воле, если нет и покоя?